

Если „Хождение“ дает достаточный материал для утверждения южного происхождения Даниила, то для суждения о его социальном происхождении прямого материала нет, но косвенный есть.

Даниил не проходит мимо тех мест Палестины, где он может отметить хорошее состояние земледелия. Поскольку наблюдатель обращает внимание прежде всего на те объекты, которые наиболее близки его сознанию, постольку на основании этих заметок Даниила можно говорить, что Даниил связан с землей и что для него вопросы урожая или „обилия“, по терминологии древнерусских памятников, являются насущными.

Я. И. Горожанский в статье о „Хождении архимандрита Грефения во святую землю“, вспоминая об этих сельскохозяйственных заметках Даниила, говорит, что „все они обоснованы на той мысли, что чем больше святость в каком-нибудь городе, чем важнее священные события, в нем совершившиеся, тем обильнее этот город должен быть и людьми, и скотом, и всякими овощами“.¹ Это замечание неосновательно. Естественно, что Даниил описывает города и места, с которыми связаны священные воспоминания, потому что это составляло цель сочинения, не останавливаясь на том, что не вызывало религиозных воспоминаний. Но если Даниил видит „обилие“, он отмечает его там, где ничто не говорит о священных преданиях, каков, например, остров Самос: „и в том острове рыбы многи бывают и обилен же всем остров той“.²

Всего сельскохозяйственных замечаний и описаний в „Хождении“ можно насчитать четырнадцать. Прочитывая их, видишь перед собой сельского хозяина, который прямо упивается, глядя на места, где „жита много и добра ражаются... родится пшеница и ячмень изрядно: одну кадь сеявше и паки взяти кадей девяносто или сто“,³ или где „земля та благословена есть от бога всем добром, и пшеницею, и вином, и маслом, и всяким овощем обилна есть зило, и скотом умножено: овца бо и скоты и вся ражаются дважды летом; и пчел много ту есть в камени том, по горам тем красным, и виногради мнози по пригорнем тем, и мало ниже дресеса овощная стоять многа без числа: масличие, и рожьди, и смокви, и яблоние, и чересие, и гроздьи и всякиа овощи“.⁴

Не проходя мимо нив „многоплодных“ и полей „травных“, Даниил, как сельский хозяин, даже сравнения берет из хозяйственной области: гора Фавор, с которой связано предание о преображении Христа, „посреди поля стоять красно, яко стог есть“; а пещера Мелхисидека „чюдна вельми, яко погребець в камени изсечен“.⁵

Даниил — представитель общества, „производственная база которого основана прежде всего на земледелии“, как характеризует Б. Д. Греков экономическую основу Киевской Руси.⁶ Даниил, вероятно, земельный вотчинник до принятия монашества, а затем, безусловно, распорядитель монастырской вотчины.

Из „Хождения“ можно извлечь еще некоторые данные для биографии автора.

Среди князей, имена которых Даниил вписал в помянник в лавре св. Саввы, называются три сына Всеслава Полоцкого: Борис, Глеб Минский и Давыд Полоцкий. Это были слабые князья, не ведшие

¹ Русский филологический вестник, 1884, № 4, стр. 293—294.

² Норов, стр. 7.

³ Там же, стр. 47—48.

⁴ Там же, стр. 93—94.

⁵ Там же, стр. 126, 127.

⁶ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1944, стр. 31.